

к/х

THE MESSENGER • DER BOTE

ВЕСТНИК

ОРГАН Р.С.Х. ДВИЖЕНИЯ
В ГЕРМАНИИ.

МЮНХЕН

ИЮЛЬ-АВГУСТ VII — VIII

1949 год

О Г Л А В Л Е Н И Е № 7-8 (1949 год)

1. ПИСЬМО ЕПИСКОПА	1
2. РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ — прот. Василий Зеньковский	3
3. Отрывок из книги К. Мочульского „ДОСТОЕВСКИЙ” .	19
4. ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ 40-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ — С. Щ.	20
5. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО — Е. М.	24
6. О ЗАБЫТОМ СОКРОВИЩЕ — А. Александрович . . .	37
7. ВПЕЧАТЛЕНИЯ СО СЪЕЗДА Р.С.Х.Д. В БЕРХТЕСГАДЕНЕ — Г. Кузнецова	42
8. СЪЕЗД Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ	47

Журнал выходит один раз в месяц.

Цена — 1. 50 DM.

Георгий Бенигсен.

WESTNIK

27. Mauerkircherstr. 5.

Stany — US Zone

ия в Германии.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам вырабатывать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

ПИСЬМО ЕПИСКОПА

подмастерью, который ищет совета в духовной жизни.

„Не могу тебе рассказать, как обрадовало меня твое письмо. Прочитав его — воскликнул я: „Се воин Твой, Господи, благослови его!” Ибо воистину ты воин, хотя тебе только и пятнадцать лет.

В доме хозяина своего всякий день видишь лишь раздор и ненависть. В магазине, где разгружаешь и наполняешь ящики, слышишь от друзей своих одну ругань и бесстыдные шутки. На улице и всюду вокруг — соблазны, и только соблазны. Но твой доблестный дух не принимает ни одного из тех соблазнов, что через очи и уши обступают тебя. И так с тобой выходит, что, видя, не видишь, слыша, не слышишь.

Ах, как все по иному тебе представлялось, когда пришел ты из села своего в город! Входя первый раз, пишешь, в этот город, видел ты дома, все красивей вашей церкви сельской. С трепетом и почтеньем шагал ты улицами, досадуя на свои ноги, что вносят сельскую пыль в этот лес храмов, в эту невиданную чистоту и святую. Перед многими высокими домами ты крестился, как крестится человек, глядя на церковь. Но, вдруг, случилось нечто страшное для тебя, давшее тебе понять, что это не церкви. Некто выскочил из одного высокого

БИБЛИОТЕКА-ФОНД

«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ» ФОНД
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВАРМЕЕЖЬЕ

4001308 ИВЕСКАЯ 7
115-10-73

здания и обругал величайшую святую, какая существует на небе. У тебя дыхание остановилось! Повернулся, было, назад и побежал к селу своему. Но, при этом подумал, что обратно никак не можешь. Горько заплакал и, отирая рубашкой слезы, снова направился к городу. С тех пор, изо дня в день, должен ты был приберегать всю силу, всю свою малую жизнь, чтобы давать отпор ужасам за ужасами, которые окружали тебя. Иногда слышал ты звон церковный и, так-как церкви еще не видел на том месте, то и помышлял в себе; „Это ангелы с неба звонят и объявляют Страшный Суд испорченному свету”.

Хозяева твои никогда не ходят в церковь, а также и вы, подмастерья и приказчики. Весь горя желаньем службы Божьей, ты однажды осмелился, попросил хозяйку разрешения пойти в церковь. На это она стала грубо насмехаться, схватила тебя за волосы, втащила в столовую, где кончали обедать, и сквозь смех воскликнула: „Подумайте, что этому малому попу на ум пришло — в церковь захотел”. И все стали хохотать, как сумасшедшие.

Но все эти бури только сильнее укрепляли древо твоей жизни. Поскольку возрастала ненависть к соблазнам, постольку возрастала твоя любовь к Богу. И ты утверждался в вере, в честности и чистоте. Великий воин Божий, Господь да благословит тебя! Напоминаешь ты мне Давида, который, еще мальчиком, убил Голиафа. И ты победил много голиафских зол, которые хотели умертвить твою душу. И теперь, помощью Божией, спасшись от многих соблазнов, просишь совета и правила, как тебе и дальше спасать душу свою.

Золотое дитя мое! Будь мужествен и дальше, и Бог тебя не оставит! „Только бы, говоришь, два-три правила, чтобы легче мог запомнить.”

— Хорошо, вот, не дам тебе больше трех правил. Первое правило: читай заповеди Христовы из этого маленького Евангелия, которое я тебе посылаю. Второе правило: исполняй, по мере сил, те заповеди, которые прочитаешь и хорошо поймешь. И третье правило: молись Богу, чтобы отверз тебе ум, правильно разумеешь, что читаешь, и чтобы укрепил тебя Духом Своим исполнять прочитанное.

Бог да укрепит тебя благословением Своим.”

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ИСТОРИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗАДАЧИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем году исполняется 25 лет существования Русского Студенческого Христианского Движения в Западной Европе, и мы считаем себя обязанными дать общий обзор того, что было сделано РСХД за эти годы. Мы с самого начала знали, что вышли на „узкий путь”, что, несмотря на бесспорное религиозное возрождение в русском обществе, задача, которую себе поставило РСХДвижение, не может рассчитывать на широкий отклик среди молодежи. Наше время по-прежнему полно различных страстей и идеологического разброда, и не все из тех, кто возвращается к Церкви, до конца сознают *основное* значение Церкви для жизни и для мысли. Но если есть периоды, когда душа, осознавши правду христианства, может с наибольшей ревностью обратиться к Церкви, найти новые пути жизни и поставить „во главу угла” христианские начала, то конечно, это есть период молодости. Не вся русская молодежь имеет возможность учиться в высших учебных заведениях, но и те, кто вынужден работать на заводах, фабриках или конторах, являются „студентами” по своей психологии, по живой потребности составить себе цельное и ясное мирозерцание. В собирании верующей молодежи вокруг Церкви, в пробуждении и укреплении веросознания у тех, кто растерял, а иногда и не имел веры, заключалось и заключается основная задача РСХДвижения, — то, что имело место в отошедшие 25 лет, лучше всего свидетельствует о правде пути, избранного Движением. Дальнейшие страницы и заключают в себе рассказ — в общих, конечно, чертах — о жизни и развитии РСХД за 25 лет существования.

1. Возникновение и развитие Р.С.Х.Д.

1. ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Еще до революции 1917 г. среди русского студенчества (в Петербурге, Москве и в Киеве) возникли кружки для изучения Евангелия и укрепления своей веры. Кружки эти возникли по почину Христ. Студ. Движения на Западе, и это положило на русские кружки печать *вне-церковности* — в том смысле, что члены кружков каждый в отдельности должен был сам для себя определять свое отношение к Церкви. Значительное большинство членов этих кружков были людьми православными и церковными, но работа кружков имела, как тогда говорили, „интерконфессиональный” характер, т. е. не касалась никогда вопросов догматического характера. Тем не менее Движение и в этой форме имело самое доброе влияние на молодежь, а общая атмосфера возрождения религиозных запросов, которая в эти (предреволюционные) годы уже создавалась среди русской интеллигенции, содействовала работе кружков. Патриарх Тихон благословил некоторых деятелей Движения быть „благовестниками” Слова Божия, ряд священников и профессоров близко стояли к Движению.

2. В ЭМИГРАЦИИ.

В эмиграции Движение имело два различных исходных начала:

а) сначала в Белграде в середине 1921 г. возникло Движение среди русских студентов богословов,

б) почти одновременно стали развиваться, по инициативе Всемирной Студ. Христ. Федерации и УМСА (см. ниже о них § 4) кружки в Эстонии, Латвии, Берлине, Праге и Софии.

„ В Белграде кружок, созданный первоначально 7 русскими студентами и студентками Богословского Факультета, а затем очень быстро разросшийся, с самого начала имел ярко выраженный *православный* характер. В нем все вопросы, которые ставились в кружке, обсуждались с точки зрения Православного сознания.

б) Наоборот, кружки в других городах, подобно кружкам, существовавшим в России до революции, хотя все

были настроены самым благоприятным образом в отношении к Православной Церкви и хотя все их члены были людьми православно церковными, в работе своей придерживались „интерконфессионального” метода. Однако и в этих кружках стремление стать ближе к Православной Церкви возросло все сильнее. С исключительной силой это проявилось на первом общем съезде всех русских студенческих кружков в 3. Европе, который состоялся в Пшерове (Чехия) в конце Сентября 1923 г. На этом съезде без всяких осложнений восторжествовала позиция Белградского кружка, и весь съезд прошел под знаком теснейшей связи с Православной Церковью. На съезде служилась литургия каждый день, и это навсегда закрепило *литургический* характер наших съездов. В то же время присутствие на съезде ряда профессоров, представителей русской религиозно-философской мысли (о. С. Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, Н. И. Новгородцев, В. В. Зеньковский *) связало Движение со всей богатой традицией русской религиозной мысли, и это не только обогатило наше Движение, но и углубило самое понимание самых задач Движения. Уже на этом первом общем Съезде была выдвинута идея „оцерковления жизни”, как основная и центральная тема личной внутренней жизни, как программа внешней работы Движения.

На Пшеровском Съезде было положено начало и *организации* Движения. На съезде, на котором присутствовали делегаты от кружков в Париже, Праге, Брно, Братиславе, Берлине, Риге, Юрьеве, Белграде, Софии, было избрано Бюро, которое должно было подготовить следующий съезд Движения в 1924 г. С тех пор каждый год созывались годовые съезды всего Движения (в 1921 г. в Пшерове, в 1925 в монастыре в Хопове (Югославия), с 1926 г. до 1933 г. во Франции). После 1933 г. (когда состоялся последний общий съезд), в виду недостатка средств уже не удавалось больше созывать общие съезды, но еще в 1936 г. состоялось пленарное собрание Бюро Движения (на которое прибыло по одному делегату от каждой страны, где были кружки Движения). После 1936 г. общих съездов или съездов Бюро не было.

*) На других Съездах Движения ближайшее участие принимали: С. А. Франк, П. Б. Струве, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Г. П. Федотов.

ОРГАНИЗАЦИЯ Р.С.Х.Д.

Первоначально в Движении не было индивидуально-го членства, но стать членом Движения можно было только через кружок, так что первоначально Движение было только соединением кружков. Но уже через несколько лет Общие Съезды установили возможность индивидуального членства, т. е. без обязательного вхождения в какой либо кружок. Это было связано преимущественно с тем, что старые члены Движения, посещавшие кружки 3-5 лет, постепенно переставали их посещать: многие уже окончили высшие учебные заведения и попадали в провинцию в места, где они были одни, другие оказывались слишком обремененными разными обязанностями. В центральном органе Движения несколько раз ставился вопрос о создании особого объединения „старых членов“, уже не входящих в кружки, но по разным причинам этот вопрос так и остался неразрешенным.

В каждой стране были созданы свои местные Бюро (обычно они назывались „Объединенные Комитеты“), которые созывали местные съезды *), руководили расширением работы. Обычно избирался местный Секретарь, утверждавшийся в этом звании Общим Съездом. Центральный орган Движения, скоро получивший наименование „Центрального Секретариата“ и с 1925 года имевший свое местопребывание в Париже, состоял из Председателя (В. В. Зеньковский), Тов. Председателя (Прот. А. Калашников, потом Б. П. Вышеславцев), старшего Секретаря (Прот. Л. Липеровский, после него Н. М. Зернов, потом А. И. Никитин, после него Л. А. Зандер, которому было усвоено именование „Генерального Секретаря“) и еще ряда членов центрального Секретариата (в этом звании пребывали И. А. Лаговский, С. М. Зернова, К. М. Перешнева, А. Я. Смирнова, А. С. Четверикова, И. В. Окунева, о. Г. Сериков, П. Е. Ковалевский). Когда в 1928 году была учреждена должность Священника Движения и по соглашению с центральным органом его Митр. Евлогий назначил на эту должность прот. С. Четверикова, он тоже вошел в состав Ц. С-та.

*) До настоящего времени состоялись местные Съезды: во Франции 17, в Чехии 14, в Германии 9, в Югославии 1, в Болгарии 6, в Латвии и Эстонии (иногда отдельно, иногда вместе) — в Латвии 10, в Эстонии 14.

ДВИЖЕНИЕ НА МЕСТАХ.

Русская эмиграция рассеялась по всему миру, но главная ее масса осела в Зап. Европе и в новых странах, соседних с Россией (Латвия, Эстония, Литва, Польша). Дадим краткий обзор жизни и развития Движения во всех странах.

ФРАНЦИЯ.

Движение началось здесь еще в 1921 г., по почину нескольких лиц (П. Е. Ковалевский, М. В. Лаврова, В. В. Петров и др.), а после съезда в Пшерове оно стало очень быстро развиваться. Начиная с 1924 г. и до последних лет (выключая период немецкой оккупации), Французское Движение устраивало каждый год обще-Французский съезд, куда приезжали члены, проживающие вне Парижа (в Лионе, Кнютанже — в обоих местах несколько лет существовали кружки). Особенно развилась деятельность Французского Движения, когда его Секретарем стал Ф. Т. Пьянов, до тех пор работавший в Берлине. Его помощником, до своего священства, был А. И. Чекан; несколько лет м. Мария (Скобцова) была (при Ф. Т. Пьянове) вторым секретарем (для работы в провинции). В 1928 г. была в Париже создана церковь в помещении, где находилось Движение (10, Bd. Montparnasse) до 1936 г., после чего Церковь, как и вся местная работа, перешли на 91, rue Olivier de Serres. С 1927 г., по инициативе Н. Ф. Федорова и А. Ф. Шумкиной началась юношеская работа в форме образования кружков мальчиков (витязей) и девочек (дружинниц); с 1927 г. каждое лето дети выезжали в лагеря (отдельно мальчики и девочки). С 1927 г. началась и детская работа — возникла четверговая школа под руководством С. С. Шидловской-Куломзиной. Позже, в 1931 г., когда во Франции начался экономический кризис, повлекший за собой безработицу, по инициативе И. А. и Т. П. Лаговских была открыта бесплатная столовая для безработных при Движении; дело это позже очень развилось выделилось под названием „Комитет Социальной Помощи“ (под руководством А. Е. Матео и других лиц). С 1927 г. при Движении открылся, по инициативе М. М. Зерновой, клуб для юношества (до студенческого возраста), из которого образовалось „Содружество Молодежи“, существовавшее около 10 лет. Несколько позже, по

инициативе Е. С. Сериковой-Меньшиковой, был создан студенческий клуб, работавший несколько лет.

Вся эта разнообразная и интенсивная работа Французского Движения поглощала много энергии и несколько надорвала силы его. В связи с ухудшением финансового положения русской эмиграции, приходилось молодежи отдавать много сил для добывания средств. С другой стороны начались и иные процессы, ослаблявшие Движение — прежде всего дифференциация внутри Движения, приведшая к выделению ряда начинаний (м. Мария, покинув пост 2-го Секретаря местного Движения, создала женский очаг, который позже, когда Ф. Т. Пьянов покинул Движение, превратился в организацию „Православное Дело“; С. М. Зернова, покинув пост члена Центр. Секретариата, создала самостоятельную организацию, действующую и ныне — „Бюро помощи Эмигрантам“). По иным причинам ушел из Движения Н. Ф. Федоров, уведший за собой большинство витязей и создавший „Национальную Организацию Витязей“.

Отмечу еще, что когда А. И. Никитин стал в 1935 г. Секретарем Французского Движения, он начал организацию детского приюта; во время немецкой оккупации дело это затихло, но после нее возродилось в форме Детского Сада, до последнего года существующего. Еще при Ф. Т. Пьянове возникла в Движении Библиотека, действующая и ныне.

ЧЕХИЯ.

Работа Движения в Чехии началась в 1921 г. под руководством М. Л. Бреше, при участии прот. Л. Н. Липеровского и при материальном содействии D. Lowrie, Секретаря Russian Section of YMCA. С 1922 г. по 1938 год ежегодно собирались съезды Движения. Работа Движения особенно оживилась после первого общего съезда в Пшерове, — в Праге и окрестностях действовало 8 кружков, примерно два кружка в Брно и один в Братиславе. В 1924 г. в Праге устраивались, кроме закрытых собраний кружков, открытые собрания с дискуссиями. Русское студенчество, в большом числе с 1923 г. нашедшее приют в Праге, охотно отзывалось на приглашения Движения. Съезды в Праге и Брно привлекали много молодежи, а участие видных ученых, в качестве докладчиков, подымало интерес к съездам. К сожалению переход Ц. С. в Париж (с 1925 г.) сильно подорвал работу

Движения в Чехии, которая к 1937 г. почти совсем заглохла. Надо отметить возникновение дружины витязей в Праге и Брно еще в начале 30-х годов. В 1938 г. усилиями деятелей Движения в Чехии был организован большой съезд в Прикарпатской Руси, привлекший массу русской учащейся молодежи этого края. К сожалению, эта работа сразу же заглохла в виду наступивших тяжелых событий в Чехии, а потом и во всей Европе.

ЮГОСЛАВИЯ.

Как уже было упомянуто, в Белграде кружок, имевший такое огромное влияние в общей жизни всего Движения, возник в 1921 г. Движение стало быстро разрастаться в течение первых четырех лет, но с отъездом в 1925 г. из Белграда наиболее активных членов, кружок стал слабеть, а в 1927 г. он разорвал связь со всем Движением в виду резолюции Архиерейского Синода (в Карловцах) об отношении к YMCA (см. об этом в § 4). Кружок превратился в Братство имени преп. Серафима и в 30-х годах совершенно замер.

БОЛГАРИЯ.

Возникновение кружка (в 1922 г.) связано было с приездом в Софию А. И. Никитина, который стал Секретарем Болгарского Христ. Студ. Движения, но одновременно работал и среди русской молодежи. Работа кружка стала, однако, падать к концу 20-х годов, а когда А. И. Никитин уехал в Париж, замерла совершенно.

ПОЛЬША.

Кружки в Львове и Варшаве работали около 7 лет, а потом замерли.

ЛИТВА.

В Вильне не удалось организовать ни одного прочного кружка, но несколько отдельных лиц, проживавших в Вильно, были тесно связаны с Движением.

ЛАТВИЯ И ЭСТОНИЯ.

Первоначально русские кружки существовали при местных группах YMCA и YWCA, — особенно в последней организации было много русских девочек. Связь Движения с русской молодежью в Латвии и Эстонии нача-

лась еще в 1923 г., но широкий характер и самостоятельность работа получила с приездом туда, в качестве Секретаря Прибалтики, Л. А. Зандера, деятельность которого чрезвычайно широко захватила русскую молодежь. Съезды (общие для всей Прибалтики, иногда отдельно для Латвии и Эстонии) собирали часто более 400 чел. Кружки действовали в Риге, Режице, Двинске (Латвия), Ревеле, Нарве, Печорах, Юрьеве (Эстония). Внешний рост Движения в этих странах не мешал и серьезному внутреннему росту его. С 1931 г. началась в обеих странах работа с подростками, а с переездом в Прибалтику в 1933 г. И. А. Лаговского, в качестве Секретаря, работа еще более расширилась. Самым замечательным фактом в этом периоде было, помимо весьма интенсивной работы кружков Движения, организации витезей и дружинниц, очень успешное развитие работы в деревнях и среди рабочего люда (в Эстонии). К сожалению, внешние условия работы стали становиться постепенно неблагоприятными — сначала в Латвии, позже и в Эстонии. В Латвии усиление латышского национализма привело в 1936 г. к официальному закрытию Движения, как очага русского просвещения; члены Движения продолжали хранить связь друг с другом и многие из них ездили на летние съезды Движения в Эстонии. Но события 1939 г., приведшие к занятию Латвии и Эстонии Сов. властью, были роковыми для работы Движения — в виду ареста, высылки руководителей работы, часть которых погибла при этом.

Финляндия.

Возникновение кружков в Гельсингфорсе и Выборге было связано с первым съездом Движения в Прибалтике в 1929 г. Особенно развилась работа в Выборге, захватив и молодежь, учащуюся в средних школах. Война 1939-40 гг., падение Выборга, привело к уничтожению там кружка, но кружок в Гельсингфорсе уцелел до сих пор и продолжает свою работу. Большое значение для кружков Финляндии имела связь с Валаамским монастырем, много помогал и помогает работе Движения проф. Б. И. Сове, большое значение имело длительное пребывание в Финляндии о. С. Четверикова.

Англия.

Кружок в Англии возник в 1926 г., но существовал, как самостоятельная ветвь недолго (до 1933 г.), в виду

малочисленности русской молодежи там. Постепенно более активная часть ушла в работу англо-русского содружества имени преп. Сергия и муч. Албания. Работа эта продолжается и ныне.

С. АМЕРИКА.

В 1926-7 г. о. Л. Липеровский был командирован в С. Америку для движенской работы среди русской молодежи. В этот же период в Америке находились В. В. Зеньковский и Г. Г. Кульман (тогда близко стоявший к Движению). О. Л. Липеровский работал очень интенсивно, наладил работу кружков в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго, Сан-Франциско; удалось созвать и съезд летом в 1927 г., — но с отъездом указанных лиц из Америки, чисто религиозная работа кружков прекратилась, более активные члены ушли в работу чисто национального характера.

Такова внешняя история жизни и деятельности РСХД.

2. Задачи и формы работы Движения

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ДВИЖЕНИЯ.

Когда представители кружков собрались в Пшерове и решили закрепить организационно свою связь, они ставили себе и выбранному ими Бюро две задачи: 1) развивать „миссионерскую” работу, т. е. призывать молодежь, утратившую веру, к вере во Христа Спасителя и 2) объединять молодежь, уже живущую верой во Христа, во имя Его заветов, содействовать развитию первоного сознания у нее, укреплять решение связываться со Христом и Его учением всю жизнь. За этими формулами, получившими свою окончательную кристаллизацию уже на втором общем Съезде (в 1924 г.), стояло общее тогда для многих русских людей сознание, что трагическая судьба России призывает всех нас к покаянию и углублению духовной жизни, что русская трагедия не была случайной или внешней, но была следствием давних и глубоких отступлений от правды Христовой. Поэтому приведенная выше формула о задачах Движения не только не отрывала молодежь от общих тем текущей жизни, но в своих корнях связывала Движение с жизнью. Движение настолько было преисполнено этого

чувства связи религиозных исканий с русской трагедией, с главными темами современной эпохи, что в своих исканиях к этим темам оно все время и обращалось. Религиозное углубление уводило его не „по ту сторону” мира, а наоборот, вело в самую „гущу жизни” — но во имя преобразования жизни во свете Христовом.

Отсюда становится понятным, что хотя общие задачи Движения остались донныне в формулировке 1924 г., но по существу они осложнились новыми темами, естественно выросшими из первоначального задания.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ДВИЖЕНИЯ.

Миссионерские задачи Движения столкнулись очень скоро с тем, что среди русской молодежи с конца 20-х годов начали усиленно развиваться различные национально-политические движения, которые хотя *номинально* и признавали т. наз. „примат духовного начала”, но фактически были в подавляющем большинстве равнодушны к религиозным вопросам. В этом уже тогда намечалась основная преграда на пути к религиозному возрождению (среди русской эмиграции — речь идет только о ней). Фактическое равнодушие при так наз. „принципиальном” признании правды христианства пробить потому и трудно, что оно прикрито этой „принципиальной” позицией. Медленно, но неизбежно работа Движения (в порядке „призывной” работы), сосредоточилась прежде всего на *съездах* Движения (см. о них дальше), в которых „принципиальное” принятие христианства раскрывалось, как путь личного „духовного делания”, литургической жизни и молитвенного усердия. То, что в начале развития Движения считалось классическим методом миссионерской работы (беседы на темы о значении религии, о религии и науке и т. д.), теперь сменялось постепенно „введением” лиц, утративших веру, в полноту церковной жизни. Из существа *этого* сознания выросла необходимость иметь своего священника, каковым и был избран (и утвержден епархиальной властью) о. С. Четвериков. Через несколько месяцев после его прибытия в Париж, им был поставлен и очень быстро решен всеми в положительном смысле вопрос о создании храма Движения (каковой существует с 1928 г.) Работа миссионерская целиком в сущности становилась внутри-церковной, т. е. должна была способствовать оживлению, укреплению и углублению церковного сознания. Очень

многие кружки стали посвящать свои работы изучению литургии, истории церкви, догматических вопросов, — изучение же Св. Писания несколько ослабевало, становясь постепенно завершением религиозного просвещения, а не введением в него.

Очень важно и другое изменение в задачах Движения. Идея „оцерковления” жизни, высказанная уже на первых съездах, поставила остро вопрос о взаимоотношении Православия и всего состава западной культуры, входящей в обычное миропонимание. Уже в 1929 г., на съездах Движения была выдвинута задача формулирования путей „православной культуры”, т. е. культуры, проникнутой духом Православия, основанной на его принципах. Еще через несколько лет старшая группа членов Движения создала при Движении „Лигу Православной Культуры”, председателем каковой был Н. А. Бердяев, а секретарем — Г. П. Федотов. Во всем этом движении мысли вопрос шел именно об „оцерковлении” жизни, т. е. о построении цельного и всеохватывающего мировоззрения, связанного по существу, а не только внешне с Православной Церковью.

Как уже было указано выше, основные формы работы Движения были связаны с кружками. Типы кружков (по характеру их работы) были очень многообразны — прежде всего были кружки по изучению Св. Писания, по изучению вероучения, истории церкви, житию святых, литургии (с изучением устава), истории русской религиозной мысли, русской литературы, посвященной религиозным вопросам, истории христианского искусства. Но кружки (иногда закрытые, иногда легко допускавшие в свой состав новых членов), все же были связаны с определенной группой своих членов; чтобы члены разных кружков могли ближе узнать друг друга, время от времени устраивались общие собрания для всех членов. Иногда такие общие собрания делались открытыми и для лиц, не входящих в состав Движения, особенно если темой собрания был какой либо общий сюжет. На таких собраниях, кроме докладов, бывала иногда музыка, — из этого типа собраний надо особо помянуть так наз. „вечера о. С. Булгакова”, которые устраивались в Праге в 1924-5 г., и литературно-музыкальные вечера в Париже в 1921-5 годах. Что касается „вечеров о. С. Булгакова”, то они прежде всего были открыты для всех, кто хотел придти, что отчасти и ослабляло их, так как постепенно

они стали привлекать слишком много народу. Их цель была — наметить формы проведения праздничных дней так, чтобы это не расходилось с церковным смыслом дня. Обыкновенно вечер начинался молебном и кратким словом о. С. Булгакова, после чего все рассаживались за столики, разносился чай, и когда стихала суета, то, по заранее сделанному уговору, кто либо делал „сообщение (не более получаса), а затем шла музыкальная программа. Парижские вечера, тоже доступные для всех, посвящались русским писателям, в произведениях которых духовные темы трактовались с достаточной силой. Начинался вечер панихидой (ибо обычно дело шло о юбилеях почивших писателей), а затем делался доклад и следовала музыкальная часть. Много вечеров было посвящено русским поэтам, менее — писателям и философам (например о. П. Флоренскому, Вл. Соловьеву).

В смысле успешности в привлечении новых членов, наиболее действительными были и остаются общие съезды, устраиваемые всегда за городом. Даже короткие съезды на 3 дня (что все же очень мало), при общей жизни, при насыщенности богослужениями, докладами, семинарами, прогулками, всегда были наиболее действительным средством для привлечения в состав Движения новых людей.

ЮНОШЕСКАЯ И ДЕТСКАЯ РАБОТА.

Как уже было упомянуто, с 1927 г. началась юношеская и детская работа. Детская работа началась в форме начальной школы; так как во Франции (где эта работа началась), по четвергам занятий нет, что дает возможность детям по четвергам иметь уроки „Закона Божия“, то эта начальная школа носит во Франции название „четверговой школы“. Довольно скоро такие же школы, посвященные религиозному преподаванию и воспитанию, стали открываться и при Движении других стран — преимущественно в Прибалтике, где эти воскресные школы имели большой успех. В связи с этим надо упомянуть о возникновении (в 1927 г.) Религиозно-Педагогического Кабинета при Бог. Институте в Париже; в разных местах при Движении стали возникать религиозно-педагогические кружки (захватывавшие и детскую и юношескую работу). В Париже почти каждый год устраивались Рел.-Педаг. Совещания, а в 1928 г. деятели Движения приняли участие в обще-эмигрантском Педагог. Съезде в Праге.

Что касается юношеской работы, то задача ее мыслится как в развитии внешкольного объединения девочек и мальчиков для борьбы с денационализацией, так еще больше в религиозном воспитании подростков. Движение отдавало и отдает доньше много сил на эту работу и вместе с Рел. Пед. Кабинетом много потрудились над выработкой программы и необходимых для работы материалов. Отделившаяся от Движения юношеская группа, создавшая „Национальную дружину Витязей“ (во главе с Н. Ф. Федоровым), при всей своей близости, а часто исходя из программы, все же отлична ярко выраженным национально политическим акцентом в работе.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА ДВИЖЕНИЯ.

Затихшая ныне социальная работа Движения развивалась в годы ее расцвета по двум направлениям: помощь больным (посещение больниц) и помощь безработным. Различные обстоятельства еще до войны 1939 г. привели эту работу, лежащую бесспорно в путях Движения, к минимальным размерам.

3. Движение и Церковь

ДУХОВНАЯ ТОЛЬКО, ИЛИ ЖЕ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ СВЯЗЬ?

Когда в Пшерове бесповоротно и решительно Движение признало себя православным (а не вне-конфессиональным), оно тем самым связало себя — свою идеологию, свою работу — с Церковью. Но как следовало понимать эту, хоть и безотговорочную, но все же несколько расплывчатую „церковность“ Движения? Присутствие епископов и священников на съездах, близкое участие их в работе кружков, даже в центральном органе, литургический характер съездов — все это достаточно свидетельствует о *внутренней* связи и даже зависимости (внутренней) Движения от Церкви. Но не следовало бы Движению и административно связать себя с Церковью, — на подобие других церковных организаций, как братства, сестричества, содружества и т. д. Внутренняя, достаточная „автономия“ этих организаций соединяется обычно с административной подчиненностью *церковной власти* (утверждение лица, стоящего во главе организации, утверждение устава, общий контроль и т. д.). Не

следовало ли бы и Движению, если оно признает себя церковным, подчиниться церковной власти, обеспечив себе в то же время достаточную внутреннюю свободу? Этот вопрос был поднят со всей остротой на одном из первых собраний пленума центрального органа Движения (собрание это происходило в Праге), — и Движению предстояло так или иначе решить этот вопрос. Пленум Центр. Органа без долгих прений, подавляющим большинством, принял решение, смысл которого состоял в том, что связь Движения с церковной властью не должна иметь места, — иначе говоря, что не административная, а духовная связь с Церковью соответствует нуждам и работе Движения. Решение это имело существенное значение для всей дальнейшей жизни Движения. Нельзя не обратить внимания на то, что не только религиозные (что еще понятно), но и культурные, и часто политические и национальные организации в эмиграции обнаруживают порой настойчивую тенденцию втягивать церковную власть в свои дела. Просходит постоянный и весьма опасный подмен понятия *Церкви* понятием *церковной власти* или иногда шире — *духовенства*. Коренная идея Православной Церкви о том, что миряне призваны тоже к живому и ответственному участию в работе Церкви, часто не имеет симпатий в русской эмиграции. Почему? Надо думать, что здесь проявляется некая реакция тому, что раньше наблюдалось в отношении русского общества к Церкви. Русское общество, — не только в XIX в., но даже и в XX в. относилось небрежно к Церкви, следовало вообще путям западного секуляризма, т. е. сознательного отделения всей жизни, всех форм культуры и творчества от Церкви. Русская революция с небывалой остротой поставила вопрос о возвращении к церковному обоснованию всех форм жизни. К этому, в сущности, стремилась уже в XIX в. русская религиозная мысль (Гоголь, Киреевский, Достоевский, Вл. Соловьев), это было одной из основных идей в утопических планах о „религиозной общественности“ в начале XX в. (Рел. Фил. Соборы в Петербурге, Москве, Киеве). Но это оживление существенной для христианства „теократической идеи“ не было восстановлением западной средневековой идеи с претензиями церковной власти влиять на ход истории. Наша русская, точнее — обще-православная концепция „теократической идеи“ есть вера в то, что христианство обновляло и об-

новляет мир только через преобразование человеческих душ... Вот почему решение Движения, всецело и до конца питаюсь в Церкви, не вводить административного подчинения Движения церковной власти, имело действительно глубокий смысл.

СВЯЩЕННИК ДВИЖЕНИЯ. ХРАМ ДВИЖЕНИЯ.

Уйдя с пути, который намечался теми, кто действовал в пользу административного подчинения Движения церковной власти, Движение не остановилось на полпути. Через несколько лет в центре Движения возник вопрос о том, чтобы иметь особого „священника Движения“ для охранения и укрепления церковности в Движении. Когда были найдены для этого средства, священником Движения был избран прот. С. Четвериков, утвержденный в этой должности митр. Евлогием; о. С. Четверикову очень быстро все усвоили наименование „духовного руководителя Движения“. Он и был таковым, — и печать его личности очень ярко легла на работу Движения, но все его влияние шло путями *пастырских* отношений с членами Движения.

ПРОБЛЕМА „ЮРИСДИКЦИИ“.

Тем не менее приглашение священника Движения поставило перед Движением вопрос канонического порядка. При наличности в русской эмиграции (уже к 1927 г.) разных церковных юрисдикций (м. Евлогия, тогда еще связанного с Москвой, а в 1931 г. ушедшего под эгиду Вселенского Патриарха, а с другой стороны Карловацкого Архiep. Синода) Движение должно было через своего священника стать в каноническую связь с какой либо одной юрисдикцией — и именно той, от которой должно было исходить утверждение священника в его должности. В 1928 г., когда Движение решило иметь своего особого священника, оно естественно обратилось к М. Евлогию, в епархии которого находилось большинство движенских групп. Но кроме Белградского и Софийского кружка (входивших в места, связанные с Карловацким Архiep. Синодом) были еще кружки в Латвии, Эстонии, Финляндии, где к этому времени установились свои собственные церковные управления. Таким образом для Движения было совершенно неизбежно стать по существу вне всяких юрисдикций, ибо оно объединяло кружки, находившиеся в церковном отношении в разных юрис-

дикциях. Это положение сохранилось и донныне: через свой храм и его настоятеля (должность священника Движения, после смерти о. С. Четверикова, остается незамещенной) Движение связано с одной юрисдикцией (М. Владимира), а в своей работе оно одинаково обращено ко всем юрисдикциям.

ДВИЖЕНИЕ И ПРИХОДЫ.

Объединение в Движении церковной молодежи и поднятие у нее церковного сознания, по мере того, как в эмиграции стали возникать многочисленные храмы, — поставило вопрос об отношении Движения к приходам. В Прибалтике, где остались приходы, существовавшие еще до революции, неизбежно тоже встал этот вопрос. Позиция Движения всегда в этом отношении была очень определенной: оно не только не чинило никаких затруднений своим членам в смысле активного участия в приходской жизни, но наоборот, призывало к этому. Старые приходы в лице своих настоятелей иногда болезненно относились к тому, что их члены, помимо участия в приходской жизни, отдавали часть своей энергии Движению, т. е. вне данного прихода. За все время существования Движения было всего несколько случаев, когда обнаруживался конфликт между местным Движением и местным приходом, но они всегда кончались мирно.

Вообще церковная жизнь всякого „местного“ кружка очень зависит от доброго отношения местного священника к Движению. В подавляющем большинстве случаев, священники, при возникновении в их приходе кружка Движения, очень быстро убеждались, что это идет лишь на пользу прихода, — но были случаи, и повторение их всегда возможно, когда священники недоверчиво и отрицательно относились к Движению вообще и всячески противодействовали возникновению у них кружков Движения. Отчасти это связано с неблагоприятной для Движения резолюцией Карловацкого Архиерейского Синода в 1926 г. (см. об этом дальше § 4). Кружки Движения — дело вообще новое в Православных Церквях, и то, что инициатива по образованию кружков в иных местах исходила от инославных, все это настраивало порой очень настороженно в отношении Движения. Развитие и работа Движения рассеивали с достаточной силой это недоверие, но надо признать, что и сейчас еще в некоторых церковных кругах существует предубежде-

ние против Движения. В этом смысле очень характерным является отношение Епархиального Съезда в Париже (в 1933 г.) к Движению. О. С. Четвериков, как священник Движения, сделал очень обстоятельный доклад о Движении, — и Епархиальное Собрание единогласно признало ценность работы Движения и выразило пожелание о его развитии и расширении.

О несправедливости и решительной необоснованности подозрения о связи Движения с масонством см. ниже в § 4.

(Окончание в следующем номере)

Прот. Василий Зеньковский.

* * *

В черновых тетрадах идеология Шатова развита с большей широтой и смелостью, чем в романе. Вдохновенные слова его о Христе принадлежат к высочайшим созданиям писателя.

„Вы, отрицатели Бога и Христа, говорит Шатов, и не подумали, как всё в мире без Христа станет грязно и греховно. Вы судите Христа и смеетесь над Богом, но Вы сами, например, какие примеры собой представляете; как вы мелочны, растлены, жадны и тщеславны. Устраняя Христа, вы устраняете недостижимый идеал красоты и добра из человечества. На место его, что вы предлагаете равносильного?“

Грановский (Ст. Т. Верховенский): „Положим, еще тут можно поспорить, но кто мешает вам, не веруя в Христа, как в Бога, почитать его, как идеал совершенства и нравственной красоты“.

Шатов: „Не веруя в то же время, что слово плоть бысть, то-есть, что идеал был во плоти, а, стало быть, не невозможен и достижим всему человечеству? Да разве человечество может обойтись без этой утешительной мысли? Да Христос и приходил с тем, чтобы человечество узнало, что природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во

плоти, а не то, что в одной только мечте и в идеале, и что это и естественно, и возможно. Последователи Христа, обоготворившие эту просиявшую плоть, засвидетельствовали в жесточайших муках, какое счастье носить в себе эту плоть, подражать совершенству этого образа и веровать в него во плоти. Этими земля оправдана. Другие, видя, какое счастье дает эта плоть, чуть только человек начнет приобщаться ей и уподобляться на самом деле ее красоте, дивились, поражались, и кончалось тем, что сами желали вкусить это счастье и становились христианами и уж радовались мукам. Тут именно все дело, что слово в самом деле „плоть бысть”. В этом вся вера и все утешение человечества, от которого оно никогда не откажется, а вы-то его именно этого и хотите лишить. Впрочем, сможете лишь, если только покажете что-нибудь лучше Христа. Покажите-ка!”

Из книги К. Мочульского „Достоевский”.

ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ 40-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ

(необходимая историческая справка)

Весною этого года исполнилось 40 лет со времени *первого* посещения России д-ром Джон Мотт в апреле 1909 г. Это посещение русских университетских центров Генеральным Секретарем Всемирного Христианского Студенческого Союза *) теперь могут вспомнить только немногие из представителей первого поколения Российского Христ. Студ. Движения, находящиеся сейчас вне своей родины; а многие ли могут вспомнить о нем там, за „железной завесой”?

Между тем этот приезд д-ра Мотта и лекции, с которыми он выступал перед многолюдными студенческими собраниями, явился знаменательной вехой в истории Российского Движения. Этот год можно рассматривать

*) И поныне здравствующий д-р Д. Мотт является теперь Председателем УМСА и продолжает свою многостороннюю деятельность среди молодежи всего мира. В 1947 г. и в 1949 г. он, например, посетил Германию.

как начало этого Движения, а нынешний 1949 год можно отметить как *сорокалетие Российского Христ. Студ. Движения*.

Правда, некоторые могут возразить и указать, что первый студенческий кружок этого рода был основан в Петербурге еще в 1903 году и что основателем его был не д-р Мотт, а выдающийся христианин и руководитель верующей молодежи Павел Николаевич Николаи († 1919 г.). Не возражая против этого факта и отдавая должное трудам незабвенного Павла Николаевича по созданию Петербургского кружка и по подготовке более широкого движения, мы склонны считать, что именно приезд д-ра Мотта в 1909 г. явился началом Движения, как чего-то более широкого и общенационального, чем деятельность одного кружка в Петербурге. Когда д-р Мотт выступил со своими лекциями в Москве, в Киеве и в Риге; когда после этого организовались первые студенческие христианские кружки в этих городах; когда все эти кружки были связаны общей целью и одним духом — тогда мы имеем право говорить о Российском Движении.

Уже в след. году, осенью 1910 года происходит 1-я конференция русских студенческих христианских кружков в Липпансаари (Финляндия), после которой такие съезды происходили из года в год. В 1913 г. Российское Христианское Студенческое Движение, как имеющее свыше 500 членов, официально принимается в состав Всемирного Союза. Первым Председателем Российского Союза был избран проф. Киевского Политехнического Института Петр Родионович Слезкин († 1932). Таким образом, формально Российское Движение было признано только в 1913 г., но по сути оно стало существовать еще в 1909 г., после лекций д-ра Мотт.

Автор настоящей статьи не присутствовал на этих лекциях, так как кончал тогда среднюю школу. Но сделавшись осенью того же года студентом, он застал в молодом московском студ. христианском кружке еще свежую память и отзвуки этих лекций. Члены кружка с восторгом вспоминали д-ра Мотт, который показал всей своей личностью, *что дело проповеди о Христе не есть дело только одного духовенства, а святая обязанность каждого верующего, не исключая ни профессоров, ни студентов...*

Если мы вспомним настроения студенчества того времени, то должны признать, что почва для призыва

д-ра Мотт была сухая и каменистая. Студенчество было проникнуто революционными идеями; большинство молодежи порвало с православием, а главное — считало, что христианская вера несовместима с выводами науки и с более доступной для интеллигенции „верой в прогресс”. И вдруг перед студенческой аудиторией выступает светский человек, в полном расцвете своих духовных и физических сил, культурный, образованный, объехавший уже весь мир с проповедью о Христе среди студентов. Глядя на его внушительную фигуру, слушая его убежденную речь — хотя она и переводилась с английского языка на русский — молодежь могла убедиться, что христианство еще не потеряло своей силы и *что оно может вдохновить современного образованного человека и наполнить его жизнь глубоким и волнующим смыслом.*

Конечно, у многих слушателей это глубокое впечатление скоро остыло. Подошла горячая пора весенних экзаменов, потом долгие летние каникулы — и осенью из сотен записавшихся на лекциях д-ра Мотт явились в кружок только десятки. Но и этого было достаточно: наше Движение никогда не гналось за количеством членов, а выше всего ценило их качество. Целыми годами шла углубленная, настойчивая работа над членами Движения, имевшая целью не только перестроить мирозерцание, но и привить им качества руководителя и деятеля на ниве Божией...

Много раз впоследствии я имел случай посещать заграничные студенческие союзы и встречаться на конференциях с представителями других национальных движений. Без всякого преувеличения или чувства национального пристрастия я могу констатировать, что нигде к действительным членам Движения не предъявлялось таких высоких требований, как в наших предреволюционных кружках. Мы требовали от них не только принятия принципов Движения (базиса), не только участия в работе кружка, но и полной отданности служению Богу среди молодежи, часто в ущерб своим академическим занятиям. Работу в кружках мы считали своим главным делом, а духовные интересы наших младших товарищей — более важными, чем наши личные интересы. Такое служение мы видели не только на страницах Евангелия, но на примерах наших старших товарищей, самоотверженно боровшихся за души своих братьев...

Многие из православных юношей и девушек примкну-

ли к Движению, так как мы ясно видели, что духовенство слишком мало обращает внимания на духовные искания и запросы учащейся молодежи. Сколько раз и старшие, и представители официальной церкви ставили нашему Движению в упрек, что мы „отрываемся от православия” и идем за какими-то заграничными, чуждыми нам руководителями. Действительно, разве не парадоксален тот факт, что Российское ХСД возникло по инициативе и примеру таких *инославных* руководителей, какими были протестанты П. Н. Николаи, Александра Ивановна Пейкер, Пистолькорс и другие? Разве это было нормальным, что для объединения российских студентов на религиозной почве нужны были снова „варяги” — вроде приехавшего из-за океана д-ра Мотт? Но это теперь звучит упреком не Движению, а синодальной церкви, ничего не предпринимавшей для помощи своей же православной молодежи. Но „дух дышит, где хочет” — и когда ни Святейший Синод, ни духовные академии, ни миссионерские общества не сумели организовать ни одного православного студенческого объединения, то Господь послал из среды не православных, но любящих молодежь людей, которые нашли дорогу к душе хотя бы немногих русских студентов и студенток. И оправдываются здесь еще раз слова Евангелия: „Горе вам... что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете” (Мф. 23, 13).

Позже, когда революция и последующие события показали слабость и бессилие синодального строя — церковные деятели и православная общественность спохватились. Началась лихорадочная организация братств, сестричеств, кружков, привлечение молодежи к приходской работе — но было уже поздно. — Церковь оказалась совершенно неподготовленной к работе среди молодежи: ни опыта, ни кадров руководителей, ни литературы...

Уроки истории не должны забываться. Многие деятели православной церкви за рубежом сделали из этого печального прошлого выводы и постарались организовать православную молодежь вокруг Церкви — так появилось заграничное Русское ХСД. Однако еще далеко не все представители православного духовенства сознают важность специальной церковной работы с учащейся молодежью. Многие еще считают „по старинке”, что для молодежи достаточно изучать „Закон Божий” и посещать храм. Всякое же объединение молодежи вне

храма — кружки, беседы, самостоятельные выступления — рассматриваются как новшество, подрывающее авторитет духовенства и „отрывающее его от прямых задач”. Но разве воспитание молодежи в духе преданности своей Церкви и развитие в ней *чувства ответственности за духовное состояние своих соотечественников* не является прямой задачей пастырей? Не пора ли, наконец, признать, что всякая церковь, всякая епархия, всякий приход, не заботящийся о воспитании молодежи в духе любви и деятельного служения, тем самым лишают себя будущего, рубят тот сук, на котором находятся...

РСХД за рубежом несомненно является прямым продолжателем дела дореволюционного Российского Христианского Студенческого Союза. Поэтому вспоминаемый нами 40-летний юбилей в полной мере касается и зарубежных организаций РСХД и не может быть обойден молчанием. Если же верить свидетельствам некоторых беженцев из СССР, считающих, что студенческое христ. Движение *продолжает подпольно существовать* и в Советском Союзе (статья Л. Ч. в V-VI выпуске „Вестника”), то тем более следует отметить эту значительную дату. Нам же, представителям первого поколения Российского Движения, уже сходящим со сцены, остается лишь просить Господа Бога, чтобы Он благословил дальнейшую работу среди православного студенчества как там, „за железной завесой”, так и повсюду в местах российского рассеяния и „выслал делателей на ниву Свою”.

Июль, 1949.

С. Ш.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Для того чтобы понять настоящее и творить будущее, надо познать прошлое. Правильное и объективное изучение нашей истории — одна из задач политической эмиграции. Одним из важных вопросов русской истории является — отношения Церкви и Государства.

На протяжении долгих веков тесная связь Церкви и Государства была решающим фактором нашего прошло-

го. Органическая связь обеих институций была прервана со времен Петра I. Созданное его реформами положение осталось в силе вплоть до самой революции. Попытка Церкви при Временном Правительстве дать церковно-государственным отношениям новый смысл была прервана переходом власти к большевикам. В силу своей анти-религиозной сущности советская власть могла решить вопрос об отношении государства к церкви лишь в отрицательном смысле. Так Церковь и Государство, со времен Петра и до наших дней, не смогли найти правильных путей к восстановлению своих взаимоотношений и решение этого вопроса — одна из существенных задач освобожденной от большевистского ига России.

В нашем обзоре мы намерены дать первые вехи для изучения отношений между Церковью и Государством в русской истории. Мы ограничиваем наш очерк исследованием фактических данных, обусловивших историю Церкви и Государства. Вопрос этого взаимоотношения настолько обширен, что лишь имея историческую канву, можно приступить к изучению его глубин, т. е. всех тех идеологических, философских, юридических и экономических вопросов, которые включает в себя проблема церковно-государственных отношений.

I.

Хронологически первичной на нашей территории является институция власти — государство. Обыкновенно принято считать начало русского государства с момента „призвания” варягов в 862 г. Но фактически начало государственности должно быть отнесено далеко за это событие, ко времени формирования славянских племен. Приход, а не призвание варяжских дружин в среду восточно-славянских племен лишь подчеркнул и усилил уже существовавшее государственное начало. Носителем государственной власти был князь и его дружина, осуществлявшие военные, административные и судебные функции. Первым государственным центром уже в X в. становится Киев. По своей религии первичные государственные объединения на нашей территории были языческими. Но о существовании строго выработанных религиозных институций нам ничего неизвестно.

Интенсивные торговые и дипломатические сношения Киевского княжества с соседними христианскими госу-

дарствами влекут за собой уже в начале X века проникновение на его территорию христианства. До конца века принятие христианства было возможно лишь в частных случаях, носивших личный характер. Но крещение великой княгини Ольги в новую веру свидетельствует уже о том, что значение христианства ширилось в тогдашнем обществе.

Наконец, при великом князе Владимире совершается великое историческое событие — крещение Руси. После долгих колебаний и исканий веры, великий князь, как и его бабка княгиня Ольга, принимает православную веру от своего мощного соседа — Византии и в 988 году приводит к крещению и свою дружину. С этого момента начинается крещение Руси, не по личному уже почину, а в силу государственного решения. Но об установлении церкви как институции наши летописи повествуют лишь под 1037 годом, когда при Ярославе в Киеве устанавливается митрополия и митрополитом назначается из Византии грек Феопемт.

Русская митрополия становится подвластна Константинопольскому патриархату, как 52-я по счету. Русская церковь, таким образом, попадает в полную административную зависимость от Византии. Сама жизнь, территориальная отдаленность, исторические события и укрепление русского государства сглаживали эту зависимость. Была и не одна попытка со стороны русских князей ее прервать. Но эта связь непрерывно существовала вплоть до 1448 г. Главным образом она выражалась в том, что до этого времени все русские митрополиты поставлялись и почти все назначались константинопольским патриархом.

Получив административное оформление в виде митрополии, русская церковь приступает к широкой деятельности по своей внутренней организации. Устанавливаются первые епархии, основывается первый русский монастырь — Киево Печерская Лавра, а за ним и остальные. Повсеместно начинается церковное строительство. Но деятельность русской церкви с самого начала ее существования не ограничивается рамками чисто церковной жизни. Она становится решающим фактором как в культурной, так и в государственной жизни страны.

Принятие религии из более культурной Византии и административная связь с последней обуславливают культурно-просветительную деятельность русской церкви.

Письменность, образование, зодчество и искусство, вот те основные культурные факторы, которые развиваются церковью. Митрополичий и епархиальные дворы, приходы и монастыри становятся не только религиозными, но и культурными центрами. Русская мысль формируется на религиозно-церковных основах. Церковь дает нам первое понятие об историософии и историографии. Православная этика становится идеалом для построения государственной и личной жизни. Морально и фактически (через византийское церковное право) церковь влияет на наши первые своды законов и судопроизводство. Церковь становится на долгие века той институцией, которая хоть и в примитивной форме, но одна несет обязанность социального обеспечения. Перенимая византийские обычаи, церковь приносит к нам свое право Печалования, т. е. ходатайства перед государственной властью за невинно ею преследуемых людей. Наконец, в чисто государственной жизни церковь передает нам и постепенно приспосабливает к нашим условиям весь запас византийской идеологии понимания власти.

Руководство церкви в указанных выше областях остается действительным вплоть до перехода России под западное влияние. Не получив во многом, к сожалению, возможной глубины и развития, это многостороннее церковно-религиозное влияние дает нашему средневековому периоду ту специфическую особенность, на которой впоследствии строится русская своеобразность.

Отношение государства к церкви в киевский период было, за редким исключением, очень благожелательным. С самого начала государство признало за церковью ее моральную руководящую роль. Пошло оно церкви навстречу и в чисто практических вопросах, даруя ей не мало льгот и привилегий. Таким образом, церковь начала занимать свое решающее место в русском развитии при полном согласии государства, не претендуя, однако, на главенство над последним, как это имело неоднократно место на Западе.

II.

К началу распада единства киевского государства на уделы и к моменту татарского нашествия, церковь является уже вполне оформленной единицей, имеющей свое определенное место и слово в государстве. Переплетая во многом свои интересы с государственными,

она сохраняет еще почти полную свою независимость. Этому помогают и ее морально-культурный перевес над государством, ослабление последнего и административная зависимость церкви от Византии. Но не становясь орудием государства, церковь во весь последующий период сама прилагает не мало усилий к восстановлению и укреплению русского государственного единства.

Распавшееся на уделы и потрясенное татарским нашествием, русское государство находит в уцелевшей единой церковной администрации свое объединительное начало для будущего восстановления. Церковь вырабатывает в русском народе сознание религиозного единства. „Мы православные” становится тем стимулом, который дает основу для зарождения единого национального самосознания. Титул митрополита „всея Руси” становится прототипом княжеского, когда в звание „великого князя всея Руси” начинают вкладывать понятие государственного единства.

Русская государственность, раздираемая междуусобными бранями и находящаяся под игом иностранного нашествия, не имела ни сил, ни возможностей поддерживать церковь. Объединительная позиция церкви поддерживалась в те времена двумя противоположными одна другой силами. Татарское ханство, пришедшее войной на Русь, вело свою борьбу лишь против носителей государственной власти. Оно ни в коей мере не ущемляло действий и структуры церкви. Больше того, благодаря умелой политике церковной администрации, она ей оказывала поддержку, о чем свидетельствуют ханские ярлыки, раздаваемые митрополитам. Не попав с одной стороны под разгром от иностранной силы, церковь с другой стороны получала неоднократную поддержку со стороны константинопольского патриарха.

В результате распада русской государственности возникают стремления к расчленению и русской митрополии. Эти попытки возобновляются неоднократно на западе русских владений, сначала в галицком княжестве, а впоследствии в литовском, которое вошло в свой состав не мало западно-русских княжеств. Их попытки выделить себя в особую митрополию грозили в большой мере единству русской церкви. Но вплоть до 1458 года эти попытки терпели неудачу благодаря настойчивому сопротивлению константинопольского патриарха. Его традиционный взгляд на единство Киевской митрополии и

ее власти над всей русской территорией не узаконил ни одного случая разделения. Своей властью патриарх всегда восстанавливал равновесие и скреплял единство русской церковной администрации.

Но эта внешняя опора не могла удовлетворить церковь. Свою спасенную через невзгоды целостность она могла сохранить впредь лишь при помощи внутрирусской государственной поддержки. К концу XIII века в разрозненных удельных княжествах начали выкристаллизовываться два центра: литовский на западе и московский на северо-востоке. Один из них мог стать опорой для церковной организации. Выбор церкви падает на московское княжество.

III.

Первый шаг для перенесения церковного центра с беспокойного юга в более защищенный север был сделан митрополитом Максимом, который в 1299 г. переходит на жительство из Киева во Владимир. Его преемник митрополит Петр, несмотря на то, что он был ставленником галицкого князя, продолжает политику сближения с Москвой. При своих разъездах он часто бывает в Москве, где его и настигает смерть. Его дружба с великим князем Иваном Калитой, его смерть и погребение в Москве являются знаменательным фактором для будущей установки митрополичьей кафедры в Москве. Митрополит Феогност усваивает обычай всегдашнего жительства в Москве и не заезжает в Киев даже после поставления. С его же преемника Алексея можно считать, что митрополичья кафедра официально переносится в Москву. При этом отметим, что титул митрополита „Киевской и всея Руси” остается в силе до самого разделения русской митрополии в 1458 г., когда на Руси появляются два митрополита: „киевский” и „московский и всея Руси”.

Переход митрополичьего стола в Москву совпадает с борьбой московского княжества за великое княжение. После длительной борьбы с Тверью, московский князь Иван Калита получает от татарского хана ярлык на великое княжение и его наследники завершают начатое им дело — собиравание удельных земель вокруг Москвы.

Переносив свой административный центр в Москву, церковь должна была согласовать свои издавшие объединительные тенденции с аналогичными государственными намерениями Московского княжества. Можно считать,

что с этого момента интересы церкви и государства совпадают и сплетаются в совместном сотрудничестве и поддержке. Это равноправное единение в административном и идеологическом развитии продолжается до Ивана Грозного, когда подчинение церкви государству становится явной тенденцией политики царей. Этот нарождающийся конфликт сглаживается в XVII веке и приводит даже частично к обратному действию со стороны церкви, но окончательно решается в пользу государства реформами Петра.

Возвращаясь к событиям XIV века, мы должны отметить почву, на которой происходило сотрудничество церкви и государства. Церковь, являясь поборницей московского единодержавия, ставит в распоряжение возрождающегося государства тот идеологический багаж, который она принесла с собой из Византии. Она постепенно вырабатывает ту идеологическую платформу, на которой строится учение о богоизбранности великого князя, его правоверности, о всемирном значении московского царства, как третьего и последнего Рима. Церковными кругами инспирируется тот круг сказаний, в которых московское единодержавие находит оправдание своей исторической преемственности, принимая на себя религиозно-политическую миссию Византии. Национальные потребности московского государства она освящает идеей сохранения чистоты православия и его распространения. Одновременно с этим церковь дает возможность государству совокупить свои объединительные тенденции собирания земли русской со стремлением церкви сохранить единую русскую митрополию. Церковь значительно облегчает задачу московского княжества воссоединить в себе все русские удельные княжества и оказывает не малую поддержку Москве в ее борьбе с литовским княжеством. Все усиливающееся единство церкви и государства приводит к окончательному отделению русской церкви от Византии. Благодаря этому Москва становится не только русским государственным, но и церковным центром.

Уточним главные моменты этого развития, начав с установления церковной автокефалии.

Стремление русской церкви выйти из подчинения Византии наблюдается с момента принятия христианства. Существует даже научная теория, довольно распространенная за последнее время, что само христианство было

принято не от Византии, а из Болгарии. Согласно этой теории русская церковь перешла в ведение византийского патриарха лишь в момент падения болгарского экзархата в 1037 году (год, под которым наши летописи упоминают о приходе на Русь первого греческого митрополита Феопемта).

Первая, достоверно нам известная, попытка отделить русскую церковь от Византии относится ко времени Ярослава Мудрого. При его содействии поставляется на митрополичью кафедру в Киеве первый, русский по национальности, митрополит Илларион (1051 г.). Его кратковременное пастырство не приводит к отделению, но он добивается более яркого выражения национального лица русской церкви. Так при нем греческая церковь соглашается на канонизацию первых русских святых: Ольги, Бориса и Глеба. Его старания включить в сонм первых русских святых и Владимира терпят неудачу, как и вообще идея самостоятельной русской церкви. В течении целого столетия Киевская митрополия опять видит на своем престоле одних греков. Следующее проявление национальных чаяний в церковном вопросе связано с назначением в 1147 г. на киевский стол митрополита Климента, второго русского в рядах наших митрополитов. Но и эта попытка ни к каким решающим результатам не привела. Интересно еще отметить бесплодные старания Андрея Боголюбского после ухода из Киева в Суздальское княжество установить там свою автокефальную епархию (в 1162 г.).

Все эти попытки к установлению церковной самостоятельности поддерживались и проводились в жизнь князьями. Но государственная власть не выросла у нас в те времена еще до надлежащей силы, чтобы спорить с такой мировой величиной, как константинопольский патриарх. Ослабленная в дальнейшем распадом на уделы и татарским игом, княжеская власть надолго отошла от мысли восстановления национальной церкви.

Лишь кристаллизация новых государственных центров возобновляет подобные попытки. Они впервые замечаются на западе, в литовском княжестве, и выражаются в стремлении обособиться в отдельную митрополию. Эта длительная борьба увенчивается успехом лишь благодаря отходу центра русской церкви в далекую Московию и полного упадка патриаршей власти. Добившись в 1458 году самостоятельности, литовская митропо-

лия не смогла удержать за собой общерусского значения, и киевский самостоятельный митрополит теряет титул „всея Руси”.

Иного результата достигает Москва. Крепнувшее московское княжество соединило свою судьбу с русской митрополией. Они становятся собирателями русских национальных и религиозных сил. Церковь освящает власть, а государство дарует церкви свою защиту. При благосклонной поддержке государства церковь укрепляет свой мирской удельный вес, приобретая значительные земельные богатства, и привлекает к мысли о национальном самоопределении.

Но это развитие идет не революционным путем. Шаг за шагом, ощупью, доходит оно до цели лишь в удобный для отделения момент. Мысль об упразднении церковной зависимости от Византии бесспорно укреплялась такими фактами как назначение константинопольским патриархом русских первосвятителей, как Петр и Алексей. В особенности личность и деятельность митрополита Алексея должна была укрепить эти стремления. И не даром, после его смерти, великий князь Дмитрий пытается добиться в Константинополе поставления своего кандидата Митяя как митрополита Киевского и всея Руси. Но князь терпит неудачу, и после длительных недоразумений его преемнику приходится встречать митрополита Киприана, ставленника константинопольского патриарха.

Нужна была Флорентинская Уния и почти полное крушение Византийской империи для установления автокефалии русской церкви.

Митрополит всея Руси Исидор на Флорентинском соборе (1439) присоединяется к унии. Делает это он самочинно, без согласия своей паствы. Вскоре после его возвращения в Москву, его, главным образом, по почину княжеской власти арестовывают, и он бежит из России. После этого митрополичий стол вдовствует 18 лет, т. к. московское княжество наотрез отказывается принимать ставленников константинопольского патриарха, тоже принявшего унию. И тогда, опять по почину светской власти, собирается собор русских епископов и впервые самостоятельно избирает русского митрополита. В 1448 году ими избирается митрополитом Московским и всея Руси Иона. Этим шагом устанавливается автокефалия русской церкви, которая впоследствии завершается учреждением русской патриархии *).

В тесной идеологической связи с административным отчуждением русской церкви от Византии стоит идеализация московской княжеской власти и ее эволюция от княжеской к царской. Если церковь в развитии своей самостоятельности опиралась на благожелательную поддержку государства, то государственная власть, в оформлении своей идеологии, инспирировалась церковью. Оба эти явления в основе своей имеют одну общую мысль: стать преемниками Византии, продолжить ее историческую миссию единственного правоверного государства, перенять всю полноту всемирного значения, выраженную в гармонии власти — царе и патриархе.

Так, в основе стремления Москвы иметь во главе своего государства царя, а во главе церкви — патриарха, не лежит простая погоня за формой. В этих титулах выражается цельная и стройная теория об историческом предназначении московского княжества на место Византии и о преемстве Божьей благодати, досель лежащей только на Византийской Империи, втором Риме.

Как мы уже указывали, идею о богоустановленности, правоверности и величии княжеской власти мы получили из Византии при посредстве церкви. Она воспринималось постепенно, вынашивалась веками. Но уже к концу удельного периода она начала выявляться в русском преломлении. Великий князь становится постепенно „самодержавным”, „правоверным”, „скипетродержателем”, „государем”, а власть — „богоутвержденная”, „богоснабдимое державство”, „царство Московское”. Интересно отметить, что впервые на путь возвеличения власти стало Тверское княжество. В памятниках этого княжества впервые появляется титул „царь” для великого князя. Но побежденная в единоборстве с Москвой Тверь не успела развить целостной идеологии. Это стало исторической задачей Москвы.

Сплотив в единое государство разрозненные удельные княжества, Москва переходит от провинциального, княжеского мышления к государственному. Она начина-

*) Интересно отметить, что в такой исключительно благоприятный момент, русская церковь все еще чуждается резкого отхода от Константинополя. Она письменно запрашивает согласие патриарха, и не получив от него ответа, оправдывает свой поступок тем, что будто бы уже заранее константинопольский патриарх благословил Иону быть преемником Исидора.

ет чувствовать свою ответственность за это государственное целое и всю славу и мощь его. Великий князь московский становится поистину государем земли русской. Но развитие это идет далее. Московская Русь выходит и на мировую арену.

Историческая мысль христианского средневековья строится и выводится из учений церкви и св. отцов. Так она верит в единый, общий цикл развития всех христианских народов, ведущий к завершительному акту мировой истории — ко второму пришествию. Верит она также в мистическое предназначение города Рима — священного города. В связи с этим вырабатывается целый цикл учений и сказаний о вечном городе Рима, о четырех мировых царствах и т. д. Это мировоззрение было реально для Византии, которая считала, что она является наследницей Рима. Этим мировоззрением питались южные славяне, известно было оно и на Руси. И когда русское государство начало крепнуть, а Византия терять свое значение и ее крушение от рук турок стало лишь вопросом времени, тогда начала появляться на Руси мысль, что не она ли предназначена Божьим промыслом стать на место этой отмирающей величины христианского мира. В недрах самой Руси эта мысль развивалась очень робко, но постепенно она получила поддержку от греческих и особенно южнославянских эмигрантов. Русь должна была стать наследницей Византии, новым Римом, который должен был охранять правоверие от нападков бусурман и еретиков. И Московская Русь восприняла эту задачу. Она согласилась принять преемственность от Византии. И русская церковь освятила эту задачу. Постепенно московские мыслители вырабатывают целый круг сказаний в доказательство того, что московское водительство давно предрешено Провидением. Так нарождается „Сказание о князьях Владимирских“, доказывающее, что еще при Владимире Мономахе византийские императоры благословили Русь на принятие ею наследства; сказание о Прусе, выводящее княжеский московский род непосредственно от Августа, императора Римского. Падение Византии в 1453 г. в руки турок дает последний толчек всем этим чаяниям. И Москва во всеуслышание провозглашает себя третьим Римом, „а четвертому не бывать“.

Факт наследия совершился. Осталось его только завершить некоторыми внешними признаками. Уже мно-

жатся княжеские эпитеты, появляется название „царь“ и наконец в 1547 году митрополит Макарий венчает на царство первого русского царя. В доказательство неразрывности и общности развития церкви и государства, появляются первые голоса, именующие Макария патриархом. Так Москва, став „единственным правоверным государством во всей вселенной“, ставит во главе своего здания царя и стремится к установлению русской патриархии.

Одновременно с идеологическим сотрудничеством между церковью и государством продолжается и деловое сотрудничество в решении внутригосударственных задач. Церковь дает государству духовную поддержку в борьбе с иноверцами. Она углубляет смысл этих войн, придавая им религиозную окраску — борьбы за веру. Одобрив возвышение Москвы до „всемирной христианской миссии“, она считает необходимым и подчинение внутриросийских княжеств этой новой величине. И как бы облегчая государству задачу общерусского единения и восприятие всемирной исторической миссии, церковь начинает собирать русские духовные ценности, чтобы московское государство вышло на мировую арену оснащенное собственными духовными богатствами. Этим объясняется усиленная деятельность церкви в области собирания духовных писаний (составление Четей-Миней), и главным образом канонизация русских святых. В те времена правоверность и благолепие выражались не в последнюю очередь количеством и яркостью святых. Мы знаем, как с самого начала греческая церковь отрицательно относилась к канонизации русских праведников. Интересно отметить, что к созыву собора в 1547 г. митрополитом Макарием для канонизации святых, у нас общерусскими святыми было признано лишь восемь. Но был целый ряд областных, т. е. локально чтимых. Собиранием этих житей и имен и занялся Макарий и закончил эту работу канонизацией большого количества русских праведников.

Так церковь и государство совместно копили духовные и материальные силы, соединяли их для общего развития и строили в тесном соприкосновении и проникновении Московское царство, оплот православия — третий Рим.

Нельзя не закончить очерк отношений между церковью и государством времен оформления московского само-

державия, не затронув внутреннего состояния церкви и борьбы в ней двух течений.

Тесное единение церкви с государством привело к материальному обогащению самой церкви и к тому, что многие из ее деятелей считали дела государства чрезмерно близкой задачей церкви. В противовес этому зарождается в заволжских лесах течение, возглавляемое старцем Нилом Сорским, которое ратует за нестяжательство в рядах церковных людей и за отчуждение монастырских земель. В накоплении мирских богатств он видит опасность для духа церкви. Старец проповедывал, что дело Церкви — дело духовного служения, внутреннего спасения, что ее участие в государстве должно быть молитвенное. Но ему противостояло течение Иосифа Волоколамского. Настоятель близкого к великокняжескому двору Волоколамского монастыря Иосиф не видел греха в наличии монастырских земель, считал, что богатый монастырь и церковь сделают больше пользы для людей, чем экономически не обеспеченный. Не принимал Иосиф также мысли об отделении церкви от жизни государства. Он стоял на более близкой к византийской теории точке зрения, что лишь в тесном единении церковь и государство достигают полноты власти. Признавал он также обязанность власти беречь и блюсти правоверие, вплоть до активных действий, если этого потребует благосостояние веры. В эти чисто идеологические споры вмешался и политический момент. Иосиф Волоколамский поддерживал московское самодержавие, верил в Богом вверенную власть московскому государю. Приверженниками же теории Нила стали те из бояр, которые, пострадав от возрастающей власти царя, мечтали о сохранении своих привилегий.

Нетрудно себе представить, что побежденными оказались заволжские старцы. Наша церковь пошла дальше по пути тесного примыкания к государству. Она учила дальше о богоустановленности этой власти, стремясь пронизывать государственные действия своим учением, своим духом. Но в этом тесном сплетении лежала опасность омерщвления духовной сущности самой церкви. Эта опасность все с большей и большей силой начала проявляться в дальнейшем развитии нашей истории.

(окончание в следующем номере)

Е. М.

О ЗАБЫТОМ СОКРОВИЩЕ

(Статья вторая. Первая помещена № V-VI Вестника Май-Июнь 49 г.)

В первой статье мы отметили характерную особенность Русской Народной Песни — „тесниться с человеческой душой и отвечать грусти и радости в полной мере"... В этом и состоит ее *целительность!*..

Однако не все то, что называют „песнями", обладает этим свойством. Тем, кто его *ищет*, надо уметь отличать подлинно народное от *подделок*. К сожалению, подделки сильно распространены и много поются.

К ним относятся прежде всего *марши*. Их природа не только ненародная, но и нерусская. В недрах России маршей *нет*, и народ русский, *изливающий в песне душу*, маршей не поет. Марши — навязанный народу материал пения. Это — порождение казармы, войн, походов, революций и проч.

Во-вторых, к подделкам относятся „песни", явно под народ „сделанные". В их появлении огромную роль сыграло „творчество" всегда певшей и всегда народничавшей русской интеллигенции. Кто не знает *весьма слабо* по музыке „песен" на слова Некрасова ¹⁾ или Кольцова ²⁾ или выплывших за последнее время романсов и песен с приделанными к ним quasi-народными украшениями — трюками?... ³⁾

Не меньшими подделками являются и пресловутый „Стенька Разин и княжна" ⁴⁾, и все — так называемые — „студенческие песни" ⁵⁾, и песня интеллигентской тюрьмы ⁶⁾, и — разумеется, — все „революционные песни"... ⁷⁾

¹⁾ Напр., „Не гулял с кистенем" или „Я кручину свою многолетнюю" (это — просто подогнанный Некрасовский текст к популярному в свое время романсу „Раздели ты со мной мою долуюшку") или „Укажи мне такую обитель" — (напев взят из итальянской оперы Доницетти „Люкrecция Борджия") и проч.

²⁾ Напр., „Соловьем залетным" или „Сяду я за стол да подумаю" или „Что ты спишь, мужичек?... и т. д. и т. п.

³⁾ Напр., романс „Вечерний Звон" с припевом хора — „бум-бум", подражающего, яко-бы, звону колоколов; или „Вдоль по Питерской" с хоровым „ля-ля-ля-ля" (прием абсолютно нерусский!..); или, наконец, пение с закрытым ртом — имитация звуков труб духового оркестра и т. д. и т. п.

⁴⁾ Конгломерат различных заимствованных мотивов до „Аскольдовой Могилы" Верстовского включительно.

Оставляя весь этот *хлам* в стороне, обратимся к материалу песен, сложенных *Русским Народом*.

Среди необозримого разнообразия Русских Народных Песен различают прежде всего песни, известные под общим (не совсем удачным, не совсем точным) названием „старинных песен”. Популярность их — чрезвычайна. Они приобрели не местный характер⁵⁾, но их пела буквально вся Россия, независимо от того, где песни родились. Без знания этих песен нельзя себе представить ни одного Русского Человека.

К числу таких песен принадлежат *весьма ценные*: 1) „Не белы снега”; 2) „Среди долины ровныя”; 3) „Как по морю, морю синему”; 4) „Лучина-лучинушка”; 5) „Ах, не одна во поле дороженька”⁶⁾; 6) „Чем тебя я огорчила”⁷⁾; 7) „Вниз по Волге-реке”⁸⁾; 8) „Во поле береза стояла”; 9) „Возле речки, возле мосту”; 10) „Вдоль да по речке”; 11) „Во лужях”; 12) „По улице мостовой”; 13) „Как у наших у ворот”; 14) „Ах, вы сени, мои сени”; 15) „А мы просо сеяли”; 16) „Со вьюном хожу”; 17) „Лен зеленой”; 18) „Ивушка-ивушка, зеленая моя”; 19) „Выйду-ль я на реченьку”; 20) „Вниз по Матушке, по Волге” — и много, много других, если и не столь популярных, то все же весьма распространенных.

Все эти песни сложены, несомненно, *Народом*. Это видно по их, близкому к народной жизни, содержанию и по музыкальной форме. Композитор их — безымянен. И живут они века.

И все они — полны очарования, и петь их — истинное наслаждение. В них — и своеобразная, широкая Русская красота, и задшевность их „мелоса”, и залихвац-

⁵⁾ Напр., „Не осенний мелкий дождичек” или „Быстры, как волны” или „Из страны, страны далекой” или „Наша жизнь коротка” и пр.

⁶⁾ Вроде „Славное море — священный Байкал” и мн. других.

⁷⁾ Напр., „Смело, друзья, собирайтесь” или „Вы жертвою пали” или „Варшавянка”, „Интернационал” и проч. и т. п.

⁸⁾ Подобно тому, как бывают песни Волжские, Донские (казацки), Архангельские, Рязанские и проч.

⁹⁾ Об ее достоинствах и об ее исполнении см. „Записки Охотника” И. С. Тургенева, рассказ „Певцы”.

¹⁰⁾ Позже ставшая известной под именем „Шереметевской”, со словами „Вечер поздно из лесочку”. В ней рассказывается о первой встрече гр. Шереметева с будущей женой его — простой крестьянкой.

¹¹⁾ С позднейшей переделкой ее в песню „Есть на Волге утес” на текст Навроцкого.

кий вихрь безудержного веселья (почти всегда в миноре)... Все это пленяет и захватывает даже и нерусских людей.

Нам же — русским — без этих песен просто *нельзя и обойтись*. В особенности, на Русских Праздниках, когда всех охватывает общий национальный подъем, когда каждому хочется слиться со всеми и, конечно, *петь со всеми вместе*.

Лучшего материала для этого не найти!.. Песни — нетрудные, легко подхватываются и заучиваются. (Ритмика их очень проста и однородна, — две, реже четыре или три четверти).

Не пренебрегайте песнями этого рода!.. Считайте их *обязательными*. Это фундамент!.. Это — ключ к дальнейшему познанию извечных сокровищ России!..

Эти „старинные” песни известны нам по старинным „Сборникам песен”, из которых главнейшими считались сборники Кириши Данилова, Прача, Вильбоа, Чулкова, Новикова, Гурилева, Воротникова и других¹²⁾.

И по мере ознакомления и пользования этими песнями все больше и больше обнаруживалась одна характерная их черта: их почти не подпевают вам деревня.. А про некоторые из них (напр. про „Лучинушку”, „Вниз по Матушке, по Волге”, „Ах, не одна во поле дороженька” и проч.), по просту, говорит — „*Не так поете!*”

Вначале это казалось странным (— песни-то не принадлежат всецело и городу, — содержание-то их негородское —), но потом многое разъяснилось.

Песни эти оказались песнями русских дворовых крепостной эпохи и были „подслушаны” в людской помещицкой усадьбы. Но недостаточно тщательно записанные¹³⁾, попали в „Сборники”, и стали жить не совсем в своей (народной) форме¹⁴⁾.

¹²⁾ Позже появилось множество других сборников (и до сих пор они появляются), представляющих собою то более, то менее грамотные перепечатки „старинных песен”.

¹³⁾ Преимущественно заезжими на Русь иностранцами и вообще — людьми, не до конца ухватившими характер народного творчества.

¹⁴⁾ Они прежде всего сильно упрощены. Записывалась в них только мелодия (мотив) и укладывалась непременно в „гамму” (мажор или минор). Но „гамма” несвойственна Русскому Народному пению. Кроме того, песню „гармонизовали” (к ней приписывались втора, бас и проч.), к ней присоединяли аккомпанемент, — словом, ее разрабатывали не по-русски, а по образцам Западно-Европейской Музыкальной Науки.

В силу этого такие песни (— при позднейшей строгой классификации —) получили название „народных“, но в той-или другой мере „банализированных“¹⁵⁾.

Это полностью подтвердилось с появлением иных („новых“) сборников песен, записанных „на корню“, по деревням. Начиная приблизительно с шестидесятых годов прошлого (XIX-го) столетия по самым глухим углам необъятной России стали ездить особые песенные экспедиции, которые стали точно записывать не только мелодию, но и всю музыкальную структуру песен в народном исполнении¹⁶⁾.

Из сборников, сюда относящихся, наибольшей известностью пользуются сборники М. Балакирева; Н. Римско-Корсакова (три тома); Анатолия Лядова (несколько сборников); Лиевой; Некрасова; Т. Филиппова; Лопатина и Прокудина; Мельгунова; Пятницкого и друг.

И что же оказалось?.. Оказалось, что собранные такими экспедициями „новые“ песни (— будем называть их *подлинно-народными* —) — гораздо старше „старинных“ (о которых у нас шла речь выше), а по своему содержанию и форме они превзошли все, что было известно до них.

Содержание их дополняет и, как бы увенчивает все наши сведения о громадных литературных достоинствах Русского Народного Творчества. В них отразился и изумительный *Русский Эпос* (былины, сказания, исторические песни, духовные стихи), и вся поэзия *Русского обряда* (обручение, девичник, свадьба, „выкуп“ и проч.) и *исконно-Русские Народные Празднества* (Святки, Весна, Семик, Троица, Иван-Купала и проч.) и, наконец, вся чисто Русская „прозрачная“ и задушевная *лирика* со всеми особенностями повседневного быта (песни — „запевки“, песни протяжные [„долгие“], игровые, хороводные, уличные, плясовые и пр. и т. п.).

Что касается *формы* музыки этих песен, то она считается, по-просту, *музыкальным откровением*. Ничего подобного нет ни у одного народа!.. Это — целый мир самых причудливых звуковых сочетаний, непревзойденных по красоте и оригинальности.

¹⁵⁾ „Banalisierte Lieder“ (по выражению немецких профессоров) в отличие от „Originale Russische Lieder, — wie es im Dorf gesungen wird“.

¹⁶⁾ Некоторые экспедиции пользовались для записи фонографом и граммофоном.

Нашей подлинной народной песне прежде всего „*тесно*“ в Европейской гамме. Она рвется „к свободе“, к какому-то иным неведомым звукорядам¹⁷⁾ — это и придает ей особый „Русский Строй“ —. Но, главное, она дает свободу не только мелодии, но и другим голосам¹⁸⁾. Отсюда — понятия: „переборы“, „разливы“, „узорчатость“ подлинно-русской песни...

Конечно, все это трудно для исполнения. Это доступно лишь избранным, хорошо дисциплинированным хорам. (Оттого подлинно-народная песня не так и популярна). Но за то для тех, кто одолевает трудности, открывается *Великое Искусство нашего Народа, драгоценное достояние наше, волнующее и исцеляющее душу*.

Берегите!.. Сбирайте!.. Любите его!..

Здесь возникает чисто практический вопрос о том — где и как найти соответствующий материал (ноты) песен?..

Мы перечислили выше лучшие сборники песен. Но сборники — редки. В продаже их почти нет. Они существуют либо во владении частных лиц, либо в некоторых библиотеках больших городов. Получить сборники в пользование — нелегко.

Кроме того, не все в сборниках пригодно для немедленного исполнения хором. Многие требуют переработки.

Не будет ли рациональным сосредоточить готовые нотные хоровые партитуры, хотя бы в Редакции настоящего журнала „Вестник“?.. Постараюсь кое-что сделать в этом направлении в ближайшее время...

¹⁷⁾ Состоящим преимущественно из необычного чередования квинт и кварт, а чаще всего — из входящих друг в друга четырехзвучий (тетрахордов).

¹⁸⁾ Все они — каждый по своему — стремятся не столько сопровождать мелодию (подпевать), сколько *имитировать* мелодию, „состязаться“ с ней. Отсюда — подвижный альт, тенор, бас. А в результате — своеобразнейшая, оригинальнейшая гармония песни.

Париж 1949

А. Александрович.
(арт, б. Имп. СПб. Оперы)

ВПЕЧТЛЕНИЯ СО СЪЕЗДА Р.С.Х.Д. В БЕРХТЕСГАДЕНЕ

Началось с самого обычного. Знакомый сказал:

— В Берхтесгадене будет съезд христианской молодежи. Никогда не бывали на этих съездах? О, это нечто замечательное. Советую поехать. Не пожалеете.

— Да ведь это для молодежи?

— Ничуть. Там бывает много взрослых и даже совсем пожилых. А на этот раз специально приезжают из Парижа члены Богословского Института — будет особенно интересно.

И вот мы едем.

Поезд несет нас по зеленым полям, навстречу встающим вдали, пока еще только туманным горам. Утомленный городом глаз отдыхает на пологих зеленых склонах, на зеркалах озер, на белых полевых церковках с одинокой башней и серой чешуйчатой луковкой, как будто любопытно обернувшихся, чтобы взглянуть на нас.

Поезд скорый и вместо обычных пяти часов мы едем всего три. За разговорами время проходит быстро и, когда к одиннадцати часам мы подъезжаем к Берхтесгадену, кажется, что все уже немного знакомы.

На платформе все мы собираемся под предводительством о. Георгия Бенигсена, священника „Милосердного Самарянина“. Оказывается жить нам предстоит не в самом Берхтесгадене, а в латышском лагере, километрах в 4-5 от города. Пока мы толпой ждем перед вокзалом автобуса, оглядываюсь кругом.

Я была здесь осенью 1945 года. Тогда все дышало только что кончившейся войной. Все было взерошено, дико, грязно. Теперь Берхтесгаден приобрел почти нормальный вид. Полуразбитый вокзал вновь отстроен, украсился лавками и витринами с местными „сувенирами“. Бесчисленные автомобили с американцами не имели в себе ничего военного. Если в них сидели люди в формах, то рядом почти всегда можно было видеть профиль жены или дочери. Окна магазинов опять были полны товарами, разными деревянными изделиями, Майсеновским и Розенталевским фарфором. Живописные костюмы баварских крестьянок, съехавшихся на какой то церковный праздник, поражали старинной и сложной вычурностью. Горы задумчиво возвышались над вливавшимся в узкую долину городком. Уже не дымилось недавно сожженное место,

на холме, где стоял дом Гитлера. Все было мирно, тихо и полно уже чисто курортной жизнью.

В поданный нам пустой автобус сели все, кто мог, погрузили вещи и двинулись вдоль быстрой реченки, осененной высокими кленами. Ехать пришлось недолго. Через 10 минут мы свернули с шоссе и въехали в ворота выкрашенных в защитный цвет казарм. Прежде здесь были казармы гитлеровских эсэсов. Внутри все было просторно, чисто выбелено и удобно. Наш блок с единственным деревом перед ним был отмечен доской, на которой по английски было написано, что это учебный центр Всемирной лютеранской федерации. Сюда, сменяя одна другую, приезжали различные группы молодежи для слушания различных курсов. Русские православные появились здесь впервые. Впервые в комнате с изображением Христа в углу должно было совершиться Таинство Литургии.

Но это было еще впереди, а пока нас приняли и разместили по этажам — мужчин и женщин отдельно — местный пастор и его помощник. В большой чисто вымытой комнате каждого дортуара стояло пять походных кроватей с толстыми, защитного цвета стеганными одеялами. Простыни были грубые, но чистые. На столе, покрытом скромной, но тоже чистой скатертью, синели в баночке из под сгущенного молока крупные горные Иван-да-Марьи.

В час дня зажурчал по корридорам пронзительный звонок, сзывавший нас к обеду. Шумя как школьники, мы устремились в столовую, находившуюся в подвальном этаже и приятно поразившую нас белизной и чистой деревянных столов, на которых в глиняных кувшинах расставлены были луговые цветы. Перед обедом пропели молитву. Прислуживали за столом латышки в чистых передниках, гладко причесанные и строгие.

Этот день казался нам очень большим и полным впечатлений. В 4 часа новый звонок собрал всех в просторную комнату, заменявшую нам впоследствии аудиторию, где перед длинным столом накрытым зеленой скатертью, были расставлены разделенные проходом стулья.

Все сели, маленький живой Л. А. Зандер занял место председателя (постоянный председатель Р.С.Х.Д. проф. Ф. А. Степун отсутствовал по болезни), рядом с ним разместились священники, и съезд был объявлен открытым.

Впоследствии, вспоминая 10 дней, которые мы прожили в Берхтесгадене, с особенным чувством вспоминаю именно это первое собрание. Все мы были чужими друг другу. Многие видались впервые в жизни. Познакомить, сделать прежде всего хотя бы немного благорасположенными друг к другу людей, съехавшихся с разных концов Германии, по большей части из лагерей с их тяжелой житейской обстановкой, было, казалось, не легко. Но председатель — Л. А. Зандер — был, очевидно, рожден для того, чтобы сближаться с людьми и сближать их между собой. С удивительной простотой, точно все здесь было ему давно известно и хорошо знакомо, он обратился к нам рассказал, что представляет собою каждый такой съезд, подчеркнул его миссионерскую устремленность и предложил нам „представиться”, т. е. каждому встать и сказать несколько слов о себе: кто он, где живет, что делает и, главное, куда собирается ехать. Последнее, объяснил он, было необходимо, чтобы впоследствии все мы могли легко найти друг друга и знать, где могут быть созданы такие же кружки. Чтобы подать пример, он начал с самого себя, что сразу вызвало вздох облегчения в слегка насторожившейся и смутившейся аудитории, в большинстве своем питавшей отвращение ко всяким анкетам и высказываниям о себе.

Так со всем большим успехом, все растущей доверчивостью, частым дружным смехом, удивительно согревшим атмосферу, мы провели два часа и оглянуться не успели, как почувствовали себя чем-то уже объединенными.

Лекции — и соответственное распределение времени — начались со следующего дня. Вставать должны были по звонку в 7 час. утра. В половине восьмого новый звонок собирал всех в церковь — большую угловую комнату в первом этаже —, где стояла фисгармония и перед углом, задрапированным темно-красной завесой с вышеупомянутой уже картиной, изображавшей голову Христа, непривычного, сурово-мужественного, был устроен престол. Хором съезда управлял о. Георгий Бенигсен. Служили все священники попеременно (кроме о. Василий Зеньковского и о. Георгия, был здесь еще о. Дмитрий Гизетти, тоже из „Милосердного Самарянина”, совсем еще молодой, скромный, но тем более радующий своей почти юношеской горячей верой, особенно явной во время служения, а немного позже приехал из Парижа о. Але-

ксандр Шмеман, молодой, многообещающий ученый, преподаватель Богословского Института).

Каждое утро, в течение всего нашего пребывания, служилась Литургия и была вечерняя служба, за которой читали прекрасные, без сомнения слышанные многими впервые в жизни молитвы перед отходом ко сну. Странное это было чувство — все большее согревание души в этой чужой казарме, в этой комнате, служившей еще недавно совсем иным целям, окна которой были полузастланы голубым туманом высочайших гор —, комнаты, отныне ставшей церковью, наполненной горьковатым туманом стелющегося ладана, сквозь синеватые струи которого тепло горели свечи на Престоле...

Несколько раз приезжали к нам гости, американцы, обращавшиеся к съезду с речами или докладами. Перед аудиторией, в большинстве своем готовившейся к скорому отъезду в Америку, было устроено нечто в роде радио-интервью, в котором председатель спрашивал, а американский представитель парижской ИМКА, доктор Лаури, отвечал на все вопросы, касающиеся того, что может интересовать „будущих американцев”. Плотный, энергичный, с маленькими коричневыми глазками и громким голосом, пастор Бэкер (он был в обычной форме хаки и о пасторстве его говорил только маленький значок с крестом на отвороте куртки) рассказал нам о церковной жизни Америки, и живо отзывающаяся аудитория тотчас выяснила, что христианство в США прежде всего практическое или, как выразился Л. А. Зандер, „динамическое”.

Высокий, худой, чем то чуть похожий на Линкольна мистер Дэйвис, говорил о неизбежности ассимиляции новой русской массы американской, которая сама составлялась из эмигрантов всех стран.

Из прений тотчас же выяснилось, что никто из нас не согласен легко отдавать ни своей национальной сущности, ни своего языка, ни своей церкви. Особенно кипела молодежь. Встреча с американцами всякий раз вызвала продолжительные жаркие споры — тут впервые сталкивались две совсем новые и пока противоположные стихии: практическая и мистическая. Радовали, однако, простота и прямота американцев, доверие и готовность отвечать на любой вопрос, порой поставленный с резкой молодой прямолинейностью.

В семинарах трогательно было видеть, как совер-

шенно непривыкшие к занятию подобными отвлеченными вопросами люди боролись с необычным для них словом и понятиями, как обнажались на мгновение тайники души перед добрым, вдумчивым и в то же время требовательным взором о. Василия Зеньковского.

Семинары велись четырьмя лекторами одновременно — каждый мог выбрать, что хотел. О. Василий Зеньковский читал „Учение о Царстве Божием в Новом Завете“, Л. А. Зандер — „Догматы православной церкви“, о. Александр Шмеман, сразу привлечший к себе сердца как своей современной манерой смотреть на вещи, так и сосредоточенно-пылкой силой речи — „Объяснение Литургии“, проф. И. П. Четвериков — „Любовь в язычестве и христианстве“, секретарь РСХД в Париже И. В. Морозов — о русских святых и о способе ведения кружков.

На это уходило ежедневно 8 час. официальной работы. Но наши профессора не удовлетворялись этим. До сих пор вижу перед собой огромный двор лагеря, сам по себе некрасивый и голый, но откуда во все стороны открывается великолепный вид на стоящие вокруг горы и особенно на расколотую на две неравные части пепельную громаду Вацмана, с царственным бесстрашием уходящую в бирюзу неба или полускрытую густым шелковым облаком. Вокруг этого двора обычно медленно прогуливались наши профессора в часы между лекциями или вечером после ужина, разъясняя что нибудь одному из своих слушателей.

Сидя на скамье у дверей нашего блока, можно было видеть совершающих эту уединенную — вдвоем или втроем — прогулку маленького Л. А. Зандера, серьезного, полного зоркого внимания к каждому, кто хотел говорить с ним о. Василия, картинного, стройного в своей черной греческой рясе о. Александра Шмемана...

В один из последних дней съезд удостоился посещения митрополита Серафима, — посещения впрочем очень краткого, из-за состояния здоровья Владыки. Как бы то ни было, он приехал и, поборов припадок сердечной болезни, даже часа полтора провел на общем собрании, знакомясь со всеми и поражая основательностью и настойчивостью своих вопросов.

Так шли дни — и длинные, и короткие, и в то же время необычайно насыщенные и в конце концов привели к центральному моменту съезда — говению, т. к. по словам о. Василия, каждый съезд есть не только съезд, но

и богомолье. Никогда не забуду этой комнаты-церкви после вечерни в субботу, где у трех все больше темнеющих, а потом и совсем погасших окон, у одинокой свечи, перед бумажным образом, три священника до глубокой ночи исповедывали нас. Многие исповедывались, несомненно, впервые в жизни: Бог весть, с какими чувствами стояли они в темной церкви, оглашаемой громким голосом читавшего в углу со свечей псаломщика, ожидая своей очереди.

Но почти все, даже самые скептические прошли через нее и на следующий день со взволнованными, серьезными лицами подходили к Чаше. Торжественна была эта последняя служба с последним перезвоном тонких колоколов („колокольня“ была устроена в комнате напротив церкви предприимчивым С. А. Слободским при помощи трех небольших колоколов и поставленной стоймя скамейки), со светлыми облачениями священников и ярко заливавшим нас всех воскресным солнцем.

Это был уже конец съезда. Большинство участников его уехало в тот же день. Но сначала все мы еще подписывали друг другу фотографии (нас неоднократно снимали), а потом провозжали отъезжающих, обмениваясь адресами, обещаниями встречаться, вообще не терять друг друга из вида.

Большое необычное в наше время дело было сделано. Духовные нити протянуты. Семя в души брошено. Некие всходы оно, несомненно, даст в будущем.

Мюнхен. Июнь 1949 г.

Г. Кузнецова.

СЪЕЗД Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ

4, 5 и 6 июня в Биевре (1/2 часа езды от Парижа) состоялся съезд РСХД во Франции. Три дня, конечно, слишком мало для съезда; но более длительные съезды невозможны: все служат, работают или учатся и эти три дня оказываются свободными только потому, что падают на католическую Троицу. Съезд был очень удачен, но вследствие своей краткости очень сгущен (и потому напряжен и даже утомителен). Численность его достигала 140 человек, но так как многие не могли быть все время и одни уезжали, другие приезжали, можно считать,

что съезд посетило более 200 человек. Было много представителей из провинции: из Лилля, Лиона, Бельфора, Монбелльера, Ниццы, Коломбеля, Страсбурга. Это участие провинциальных центров в значительной степени связано с теми миссионерскими поездками, которые Движение организовало в течении последней зимы... Съезд происходил в доме Французского Христианского Студенческого Движения (носящем красивое название „Божия скала), сожженном немцами во время оккупации и теперь восстанавливаемом. Один из его флигелей уже приспособлен для собраний и жилья, в саду имеется большой барак-дортуар; церковь, стоящая в саду не пострадала и богослужения происходили в этом уже привычном нам протестантском храме с большим каменным престолом и прекрасной мраморной кафедрой... Работа съезда заключалась в слушании и обсуждении — в группах и общих собраниях семи докладов. Доклады записывались диктофоном и вероятно будут конспективно изложены в Вестнике РХСД во Франции; мы здесь только наметим основные темы. Первый доклад — о таинстве крещения был прочитан К. А. Ельчаниновым. С большой силой и убеждением он показал, какое огромное значение имело крещение в духовной жизни ранней церкви и чем является оно в мистической жизни христианина. Беседа по докладу касалась главным образом вопроса о том, каким образом придать крещению то значение, которое ему принадлежит и противодействовать снижению Тайнства (мистерии!) до степени благочестивого обряда, каковым оно часто становится в нашей обычной жизни... Следующий доклад Владыки Кассиана был озаглавлен „Закон Христа“. В нем с огромной эрудицией и убедительностью были раскрыты следующие темы: свобода христианина (в противовес ветхозаветному иудаизму); любовь — как содержание этой свободы; церковь — как осуществление любви. В понятии церкви Владыка Кассиан настаивал на ее определении как *семьи*, в которую христиане усыновляются через Христа — Богу Отцу и составляют братское единство (эта еkkлезиологическая схема дополняет собою идею церкви как Тела Христова, каковая является односторонне господствующей в современных еkkлезиологических течениях). На следующий день С. С. Верховский дал яркий образ Апостола Павла (в докладе посвященном жизни и учению Апостола языков), а вечером П. Н. Евдокимов говорил о

служении христианина в миру. С огромной силой и убедительностью раскрыл он сущность мирянского служения как „народа святых, людях взятых в удел“; острие его мысли было направлено против духовного самозамыкания и личного самоспасения, церковного самокормления — которому он противопоставлял долг христианина перед миром: долг проповеди и жизни — да познает мир Отца и посланного Им Иисуса Христа... Последний день был посвящен докладам Л. А. Зандера (Россия и Европа), В. В. Вейдле (Вечная Россия) и о. Василия Зеньковского (Церковный национализм), Л. А. Зандер, показав каково было историческое отношение России к Европе (влюбленность последовательно в Голландию, Францию, Германию и Англию) и Европы и России (страх и незнание в прошлом, страх и одностороннее изучение в настоящем) настаивал на том, что решение этой проблемы возможно только на путях религиозного сближения Восточного и Западного Христианства — взаимного интереса к тому, что составляет святыню русской и европейской (католической и протестантской) жизни. В. В. Вейдле развил эти мысли, воспользовавшись богатым историческим материалом и показав насколько глубоко укоренено непонимание тех духовных основ, которые составляют сущность христианской культуры как России так и Европы. О. Василий Зеньковский говорил о тех опасностях, которые таит в себе национальное начало, когда оно становится самодовлеющим и фактически претендует на значение единospасающей и абсолютной истины. Православие не знает национальных церквей, а только поместные церкви, составляющие Церковь Вселенскую. Организационное устройство Православия не должно переходить в его деление по национальностям. Национальная стихия, освящаемая церковью, употреблением национальных языков, не должна становиться идолом... Три последние доклада вызвали очень горячие споры, ибо затронули много наболевших вопросов. И как всегда у многих осталось впечатление, что подлинная жизнь съезда началась в тот момент, когда надо было разъезжаться... Но в общей экономии движенческой жизни этот съезд (21-й во Франции) безусловно явится этапом в росте послевоенного Движения.

Л. А. Зандер.

К ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ

По непредвиденным причинам Редакция не смогла, как это предполагалось, посвятить целиком настоящий номер Вестника материалам летних съездов РСХ Движения в Германии и во Франции. Эти материалы будут напечатаны в ближайших выпусках журнала.

Между Движением в Германии и Движением во Франции имеется договоренность относительно объединения печатных органов, в настоящее время выходящих в обеих странах, в один. Можно надеяться, что следующий номер Вестника будет уже общим для Движения в Европе. Журнал будет выходить раз в два месяца на 48 страницах. Принося свои извинения подписчикам за опоздание настоящего номера, Редакция надеется, что его увеличенный размер при сохранении обычной стоимости, возместит его запоздание.

Следующий номер выйдет в первых числах октября.

Прием подписной платы производится:

Америка: V. Rev. Alexander Kisseleff, 59 East, 2-nd Street,
New York 3, N. Y. U.S.A.

Англия: „Rossianin”. 119, Adelaida Road.
London N. W. 3.

Аргентина: Kiosk-Representación de las Ediciones Extranjeras Rusas
W. S. Werbitzky, Cal. Obligado 2150
Buenos Aires. Rep. Argentina.

Бельгия: M-me E. Choutoff. 6, Square de la Residence.
X. L. Bruxelles. Belgique

Германия: Schwester Ekater. Bang. München 27.
Mauerkircherstr. 5.

Марокко: M-me E. Mirkovitch. 36, Derb Abda Kasba.
Marrakech-Medina. Maroc.

Франция: Mr. I. Morosov. 2, rue Voisembert.
Issy-les-Moulineaux (S). France.

Подписная плата на год в Европе — 16 герм. марок (500 франц. фр. — 100 бельг. фр.). Вне Европы — 4 амер. доллара.